

на редкость привлекательным объектом историко-психологических упражнений оказался для ученых и беллетристов император Юлиан, чья личность, по словам современного исследователя, сделалась "символом, который помогает людям понять себя",⁵ и в чьих противоречивых биографических легендах, действительно, отразилось все многообразие форм европейской рефлексии, далеко еще себя не исчерпавшей, как не исчерпал себя и биографический жанр.

П р и м е ч а н и я

¹ D i h l e A. Studien zur griechischen Biographie. Stuttgart, 1956 (вступление).

² А в е р и н ц е в С.С. Плутарх и античная биография. М., 1973, с. 22.

³ W e h r l i Fr. Die Schule des Aristoteles. Basel, 1946, Bd II, Aristoteles.

⁴ Здесь и далее цитаты из "Поэтики" даются в переводе М.Д. Гаспарова по изданию: А р и с т о т е л ь и античная литература. М., 1978 (текст "Поэтики" на с. III-163).

⁵ B r o w n i n g H. The emperor Julian. London, 1976, p. 236.

М.Е. Мерхасина

ТРАДИЦИОННЫЙ РИТОРИЧЕСКИЙ ТОПОС "СЧАСТЛИВОЙ ПРОСТОЙ ЖИЗНИ" И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ У ДИОНА ХРИСОСТОМА

Традиция идеализации отдельных народов восходит к Гомеру (Ил., XIII, 5 сл.). Он упоминает гиппомолгов, справедливейших смертных, питавшихся только молоком. Гесиод в "Трудах и днях" (ст. 109-120) идеализирует "золотой век" и острова блаженных. Геродот (IY, 17-23) перечисляет многие народы, но

166

больше всего идеализирует блаженных эфиопов. Он восхищается скифом Анахарсисом (IY, 76). Платон в "Тимее" (ст. 19e) показал философа, находящего высшую удовлетворенность в странствиях, во время которых он посещает отдаленные места, как бы напоминающие старые времена, и призывает к ним вернуться. Феокрит (VII) идеализирует жизнь пастухов. Страбон (VII, 3, 3) приводит мнение Посидония о благочестивых народах, не употребляющих в пищу мясо живых существ.

В науке давно установилось мнение, что родоначальником идеализации причерноморских народов является Эфор. Большой фрагмент из Эфора нам известен в пересказе Страбона (VII, 3, 9), который сообщает, что сведения о скифах Эфор изложил в четвертой книге своей истории, озаглавленной "Европа". Он считает, что скифы и савроматы не одинаковы по образу жизни. По его мнению, историки рассказывают только об их жестокости. Сам он показывает скифов, отличающихся благородными нравами. Это скифы-номады, ведущие простой образ жизни, не знающие корыстолюбия, непобедимые для врагов.

Дион обращает традиционный риторический топос "счастливой простой жизни" в орудие кинической пропаганды. Диону была ненавистна тирания. Ведь он пострадал от жестокости императора Домициана. Настоящий киник видит в монархии, как в любой власти, зло и насилие. Обличение монархии Дион проводит во всех "диогеновских" (6, 8, 9, 10) речах, близких по духу 36-й (Борисфенитской) и 7-й (Эвбейской) речам. Восхищение у Диона вызывает простые бесхитростные люди в 7-й (Эвбейской) речи. Из Сиенсия нам известно, что Дион упоминал с похвалой эссенов, целую счастливую общину (ἔτι καὶ τοὺς Ἐσσηνοὺς ἐκαίνας σου, πάλιν δὲ τὴν εὐδαίμονα τὴν κατὰ τὸ κρηρὸν ὄντων ἐν τῇ μεσοτείτῃ τῆς Παλαστίνης κειμένην κατ' αὐτὰ σου τὰ ἑορῶτα),¹ связывая это сообщение с характеристикой счастливой жизни бедняков в Эвбейской речи. Практическое воплощение этой общины² соответствовало идеалам киников, что уже отмечали и современники Диона - Элий Аристид, Иосиф Флавий, Плиний Старший.³ Может быть под впечатлением сведений об этих людях Дион пишет 20-ю речь -

167

Перὶ ἀναχρησέως — об отшельничестве, а также рассуждает об индийских брахманах (35, 22), близких идеалам киника.

Странствуя не по призванию, а по жестокой необходимости,⁴ Дион испытал все тяготы и лишения нищенской жизни бедняка, о чем он неоднократно говорит в своих речах (I, 50; 7, 81; 13, 10 и др.). Его рассказ в 7-й (Эвбейской) речи — свидетельство человека, много видавшего и убедившегося в том, что бедность священна (7, 9). Бедняка никто не стремится ограбить, не то, что людей с пышными знаками отличия (7, 9). Один из богачей именно за свое богатство, отошедшее после его смерти в собственность государства, был убит по приказу императора (7, 12) (имеется в виду император Домициан).⁵ Богачи, сатрапы и цари намного несчастнее бедняков, ведущих скромную и свободную жизнь охотников и земледельцев (7, 67). Дион свой идеал видит в образах простых людей самой Эллады (7, 2), которые добры (7, 57-59), бесхитростны (7, 76-80), гостеприимны (7, 82-90) и т.д.

Дион в своей Борисфенитской речи описывает Ольвию, основанную милетянами еще в середине VI в. до н.э. Археологические раскопки и эпиграфический материал подтверждают, что картина жизни города I в. н.э. в изображении Диона исторически достоверна: культурная и экономическая жизнь города, место его расположения, характеристика ландшафта окрестностей Ольвии, мелководья лимана.

Идеализируя ольвийские нравы, Дион отмечает их сходство со старогреческими оончяями.⁶ Ольвиополиты читают Гомера и почитают его наравне с богами. Одного из них — Иеросона — Дион показывает человеком, высказывающим суждение по вопросам политической, экономической и культурной жизни города. Он в числе немногих, занимающихся Платоном. Прямо о его внешности Дион ничего не говорит. Но Иеросон находится среди старейших и почтеннейших граждан, сидящих на ступенях храма Зевса, где заседает городской совет. Присутствующие все "были на древний манер, как описывает Гомер эллинов, длинноволосые и отпустившие бороды" (36, 17), следовательно, и Иеросон выглядел так же. Дион проявляет всяческое уважение к нему, как человеку,

старшему по возрасту. Во времена Диона Иеросон мог быть реальным лицом. А.Бёк⁷ указывает на две надписи I в. н.э. из Ольвии, где встречается это редкое имя 'Ιεροσόν. В надписи "римского времени", посвященной Ахиллу Понтарху, коллегии ольвийских стратегов во второй раз возглавляет Дадак, сын Иеросона.⁸ В конце надписи восстанавливается имя главы архонтов Иеросона, сына Эпикрата, по аналогии с другой ольвийской надписью, где Иеросон, сын Эпикрата, занимает в коллегии архонтов второе место.⁹ Это имя составное ('Ιεροσόν < 'Ιεροσάν < 'Ιερο-σάν, где 'Ιερός — священный, σάν — зодоровый, он — суффикс), очень подходит человеку, выступающему от имени жителей города, с одной стороны. С другой — приложимо к человеку, отвечающему идеалам Диона. Он отмечает простоту старца, высказывающего необычайно любезно Диону всяческие благопожелания. Мы хотим, чтобы "ты, обретя благополучие, как можно скорее вернулся обратно к себе домой" (36, 25).

Дион рассказывает также о молодом горожанине Каллистрате. Его образ соответствует почитаемой Дионом эллинской древности, которая лучше и нравственнее современности. Своей естественностью она близка простоте золотого века, относящегося к далеким временам. Последующие поколения вырождаются даже физически из-за пороков, сопровождающих цивилизацию. Кинически тенденциозную мысль наиболее выразительно Дион излагает в 21-й (О красоте) речи, описывая тип юношеской красоты, который нынешнему поколению уже неизвестен. Наиболее эллинский тип красоты — боотийский, характеризуется высоким ростом, мужеством в сочетании с человечностью и скромностью, чуждыми грубости и жестокости. В рассуждениях Диона намечаются "исторически изменчивые и национальные типы красоты",¹⁰ "в красоте отдельного человека выступает красота целого народа".¹¹ У Каллистрата во внешности много от ионийского типа. Он очень красив и высок (36, 8). Дион отмечает его храбрость в сражении, что характерно для идеального героя. Он серьезно занимался красноречием и философией — большой любитель Гомера и почитает Ахилла. К тому же Каллистрат ведет себя очень благопристойно (36, 7) с завязим философом. Мужественность, образованность и

воспитанность героя, живущего вдали от культурных центров, напоминают Диону старину. Все три качества высоко ценились в античности. Дион в образе Каллистрата как бы объединяет классическую античную эстетику, где преобладал принцип телесного и пластичного, с эстетикой киников, где главенствовала стихия духовного, нравственного достоинства человека. У Диона нет антитезы души и тела, внешней и внутренней красоты, что с особой остротой проявлялось у киников.¹²

При встрече с Каллистратом Дион прибегает к описанию внешности юноши, его одежды, вооружения. Одет он был в шаровары и другую скифскую одежду. На плечи был наброшен небольшой черный плащ, обычный для борисфенитов. Он был опоясан большим всадническим мечом. Само имя *Καλλίστρατος* красивое: *καλός* 'красивый', *στράτος* 'войско'. Засвидетельствовано оно в двух ольвийских надписях.¹³ Вообще, оно встречается часто. В остальных именах нередко попадает имя прилагательное *καλός*.¹⁴

Ольвиополиты "Илиаду" почти все знают наизусть, хотя по-гречески говорят не совсем правильно. Такое сообщение нам представляется риторическим преувеличением, хотя люди, завше Гомера наизусть, в Греции встречались. Так, Ксенофонт в "Шире" (III, 6) рассказывает, что отец, заботясь, чтобы сын был хорошим человеком, заставил последнего выучить поэмы Гомера наизусть.

Жители города всегда перед сражением читают поэмы Гомера, подымая ими дух своих воинов (так в Спарте произносились стихи Тиртея). Сообщение Диона о рецитации стихов Гомера перед сражением является важным и интересным свидетельством о сохранении традиции рапсодического исполнения гомеровских поэм в I в. н.э. в далекой греческой колонии.

Таким образом, Дион на основе традиционного риторического топоса "счастливой простой жизни" идеализирует жизнь внутри города в I в. н.э. Он искусно подбирает детали. Как умелый рассказчик, берет наиболее характерные черты в обрисовке героев, дает "говорящие" имена, стараясь заинтересовать слушающих. Первое имя - очень редкое, но все-таки ольвийское. Имена при-

дают героям величавость, а для слушателей Диона, произносившего речь на родине, представляются красивыми и загадочными. Элементы идеализации тем не менее не препятствуют возможности использования рассказа Диона об Ольвии как ценного достоверного источника.

Примечания

¹ Цит. по: *Dionis Prusaniensis quem vocant Chrysostomum quae exstant omnia edidit apparatu critico instruit J. de Arnim. Vol. II. Berlin, 1896, App. III. Testimonia de vita Dionis (Synesius), p. 317, 24.*

² *А м у с* J.R. Synesius und Dio Chrysostomus. - In: *Byzantinische Zeitschrift. Leipzig, 1900, Bd. 9. Hft. 1, S. 85-86; S y n e s i o s* von K y r e n e. Ein Kommentar zu seinem "Dion" von K. Treu. Berlin, 1958, S. 42; *А м у с* и н И.Д. Находки у Мертвого моря. М., 1964, с. 31; *G r a f* D. The pagan witness to the Essenes. - *Biblical Archaeologist*, 1977, vol. 40, N 3, p. 128-9.

³ *Нахов* И.М. Кинизм Диона Хрисостома. - В кн.: *Вопросы классической филологии. М., 1976, вып. VI, с. 85-86.*

⁴ *В о w e r s o o k* G.W. Greek sophists in the Roman Empire. Oxford, 1969, p. 112.

⁵ *П о з д н я я* греческая проза. М., 1960, с. 658, прим. 2.

⁶ Д.П. Каллистов (К а л л и с т о в Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, с. 92), справедливо критикуя М.И. Ростовцева (Р о с т о в ц е в М. Скифия и Боспор. Пг., 1925), наметил три тенденции в античной литературе по отношению к Северному Причерноморью: идеализаторскую, отрицательную и христианскую. Д.П. Каллистратов включил Диона в число идеализаторов севернопричерноморских варваров.

7 С о г р и в Inscriptionum Graecarum / Ed. Aug. Boeckh-
nius. Berolini, 1843, vol. II, p. II6, N 2077 и 2096a;
I н а с к р и п т и о н е в antiquae grae septentrionalis
Pentis Euxini. Iterum edidit B. Latyschev. Petropoli, 1916, vol. I,
N 134 и 332 (в дальнейшем - IOSPE).

8 Н а д п и с и Ольвии. Л., 1967, № 87.

9 IOSPE, N 134.

10 Н а х о в И.М. Книжим Диона Хрисостома, с. 100.

11 Л о с е в А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I-II вв.
н.э. М., 1979, с. 180.

12 Н а х о в И.М. Эстетические и литературные взгляды ки-
ников. - В кн.: Вопросы классической филологии. М., 1969, вып.
II, с. 17, прим. 21.

13 IOSPE, N 97 и 140.

14 IOSPE, N 22, 42, 176, 221 и др.

Н.М. Ботвинник

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
В НАРОДНОМ ПОВЕСТВОВАНИИ
"РОМАНА ОБ АЛЕКСАНДРЕ",
(реминисценции из Геродота)

Интересные примеры переосмысления восходящей к Геродоту исторической традиции в поздней античной литературе дает одна из версий так называемого "Романа об Александре". Материалом для нашего исследования послужит сравнительно недавно обнаруженная редакция этого романа, названная ее издателем редакцией ε.

Роман о жизни и удивительных приключениях Александра Македонского, который обычно называют романом Псевдокаллисфена, широко представлен многочисленными переработками, создавшими-